

*ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ И ИНДИИ ВО «ВСЕМИРНОЙ
ИСТОРИИ» АН СССР (тома I и II)*

Выход в свет двух первых томов «Всемирной истории» — радостное и значительное событие. Написанные хорошим языком, снабженные удачно подобранными иллюстрациями, эти тома — замечательный подарок для всех, интересующихся историей и культурой народов древности.

«Всемирная история» дает наиболее полное в нашей литературе¹ изложение богатой событиями древней истории Китая. Главы по истории Китая, основанные на тщательном изучении источников и содержащие развернутый социально-экономический анализ важнейших фактов и событий, имеют большое научное значение и представляют собой несомненный вклад в марксистско-ленинское китаеведение.

В первом томе Китаю посвящены две главы (XVII и XXVI), которые охватывают огромный период с древнейших времен до VI в. до н. э. К сожалению, автору было отведено для характеристики этой эпохи всего 30 с небольшим страниц. Естественно поэтому, что только главные события, лишь наиболее интересные факты смогли найти здесь свое отражение. Если же мы учтем при этом, что характер издания требовал от автора уделить наибольшее внимание социально-экономическим проблемам, то станет вполне понятным очень сжатый, доходящий порой до схематизма стиль изложения.

В XVII главе говорится об истории Китая до XII в. до н. э. Надо сразу же оговориться, что исторический период до XIV в. до н. э. — если не считать археологических данных о культурах Яншао и Лушань — до сих пор известен лишь по позднейшим преданиям и легендам, в которых подчас очень трудно отделить правду от вымысла и которые пока, к сожалению, нечем проверить. Достоверные данные в виде многочисленных археологических находок, а также надписи на костях и панцирях черепах, найденные при раскопках в районе Аньяня (Хэнань), относятся лишь к XIV—XII вв. до н. э.² Естественно поэтому, что основное внимание в этой главе автор сосредоточил на характеристике общества Инь в XIV — XII вв. до н. э.³ Он указывает, что широкое распространение медных и бронзовых орудий труда, высоко развитые земледелие и скотоводство, замечательные изделия ремесленников, размах и качество строительства, зачатки обмена, наконец, факты имущественного неравенства — все это свидетельствует о высоком уровне развития производительных сил и о классовом характере иньского общества.

Исходя из всего этого, автор заключает: «Можно предположить, что классовое общество возникло еще до этого времени» (стр. 444). Эта предпосылка оказывает существенное влияние на всю концепцию, согласно которой Инь в XIV—XII вв. до н. э. было более или менее зрелым рабовладельческим государством, уже пережившим тот ранний этап, когда еще сохранялись «пережитки родо-племенной военной демократии» (стр. 445). В этом государстве основными классами были рабовладельцы и рабы, хотя существовали и свободные земледельцы-общинники, составлявшие «значительную часть населения того времени» (стр. 446—447).

К XII в. до н. э., по мнению автора, в Инь уже настолько обострились внутренние противоречия (бегство рабов, протесты разорившихся общинников, не желавших переселяться, и даже восстания народных масс), что оно переживало агонию и потому легко пало под ударами племени Чжоу (стр. 447—448).

Как известно, оценка и периодизация древней истории Китая до сих пор вызывает множество споров, причем среди историков-марксистов (как у нас, так и в КНР) существуют порой прямо противоположные взгляды на характер того или иного явле-

¹ Разделы по древней истории Китая в наиболее известных советских учебниках и справочниках до последнего времени, как правило, не превышали двух-трех десятков страниц (см. например, Л. И. Д у м а н, Очерк истории Китая, в сб. «Китай», М.—Л., 1940; В. И. А в д е в, История древнего Востока, М., 1953; Л. В. С и м а н о в с к а я, Г. Б. Э р е н б у р г, М. Ф. Ю р ь е в, Очерки истории Китая, М., 1956; БСЭ, II изд., т. 21, Китай и т. п.).

² За последние годы ряд ученых (например, Чэнь Мэнь-дзя, О хронологии Западного Чжоу, Шанхай, 1955) настаивает на пересмотре этих дат, относя конец эпохи Инь к 1050—1027 гг. до н. э. К сожалению, в главе это не нашло никакого отражения.

³ Следует, однако, пожалеть, что автор не остановился подробнее на вопросе о генезисе иньской культуры.

ния, свойственного древнекитайскому обществу. Именно поэтому в задачу рецензента входит обязанность напомнить читателю аргументы сторонников иной точки зрения.

Конечно, расцвет ремесла и сельского хозяйства свидетельствует о высоком уровне производительных сил. Но нельзя при этом забывать, что иньцы еще не знали железа, что основными сельскохозяйственными орудиями не только в Инь, но и много позже, продолжали оставаться деревянные сохи и каменные (кремневые) серпы, тогда как сколько-нибудь достоверные сведения о применении плуга и пахоты с помощью тяглового скота относятся лишь к VI в. до н. э.¹ Иньцы знали и высоко ценили раковину каури, рассматривая ее как драгоценность. Но можно ли говорить о том, что она уже была мерилем стоимости, своеобразной монетой (см. стр. 442—443)? Ведь в документах эпохи Инь пока не обнаружено ни единого упоминания о сделках торгового характера².

Верно, что характер погребений указывает на социальную дифференциацию, но это — обычное явление для обществ, находящихся на стадии разложения родового строя и оформления классов. В этом отношении симптоматично то место в главе, где говорится, что в иньских надписях нет подробных данных о структуре государственного аппарата Инь (стр. 446).

Особые споры вызывает положение рабов в иньском обществе. В рассматриваемой главе (стр. 447) говорится, что рабов могли продать. Но пока еще не найдено ни единого примера этому. Говоря об использовании рабов в земледелии, автор упоминает об «обработке земли пленными из племени цин» (стр. 444). Но на 448 стр. указывается, что все племя цин было подчинено иньцам и платило им дань. Остается неясным, была ли какая-нибудь разница в форме эксплуатации в том и другом случае.

Основной формой социальной организации в Инь была община. Однако некоторые ученые не считают ее сельской, но, подчеркивая значение родового начала, полагают возможным говорить о вызревании сельской общины лишь в эпоху Чжоу³.

Что же касается вопроса о падении государства Инь, то, возможно, оно произошло не вследствие внутреннего кризиса, а только по причине победоносного нашествия более сильного племени — чему немало примеров в древней истории. Нам кажется более верной позиция тех ученых, которые считают Инь начальным периодом ранне-рабовладельческого общества⁴.

Глава XXVI посвящена истории Китая в XII—VI вв. до н. э.

Вопрос о социально-экономических отношениях в эпоху Чжоу исследован еще крайне недостаточно. Археология до сих пор не дала сколько-нибудь значительных материалов⁵ и поэтому основным источником остаются документы, написанные и отредактированные не ранее VI—V вв. до н. э., как, например, Ши цзин — сборник древнейших песен эпохи Чжоу. При этом необходимо учесть, что древние тексты, восстановленные после их сожжения Цинь Ши-хуаном в III в. до н. э. и подвергавшиеся

¹ Ян Куань, История Чжаньго, Шанхай, 1955, стр. 27 (на кит. яз.).

² Это относится и к началу эпохи Чжоу. Характерно, что первое письменное свидетельство обмена (меняют 5 человек на 1 лошадь + рулон шелка) встречается на рубеже X—IX вв. до н. э. (см. стр. 611), а появление института купли-продажи и денег можно проследить не ранее VI в. до н. э. (см. Го Мо-жо, 10 критических статей, Шанхай, 1954, стр. 61) (на кит. яз.).

³ См. например, Ван Чжун-ло, Сельская община и система отдыха от пахоты в Чуньцю-Чжаньго, «Вэньшичжэ», 1954, № 4.

⁴ См. Хоу Вай-лу, История древнекитайского общества, Пекин, 1955 (на кит. яз.); Т. В. Степугина, К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XII вв. до н. э., ВДИ, 1950, № 2.

⁵ Если не считать чжоуских бронзовых сосудов, надписи на которых в большинстве еще достаточно хорошо расшифрованы и поняты. Только в самое последнее время раскопки китайских археологов начинают восполнять этот пробел (см. Чэнь Мэн-цзя, «Каогу сюэбао» (журнал), 1955—1956; Хэ Хань-нань, там же, 1957, № 1).

многочисленному редактированию и комментированию, являются очень сложным и подчас противоречивым источником.

В результате большой исследовательской работы автор рассматриваемой главы пришел к выводу, что период Чжоу был большим шагом в развитии древнекитайского общества, временем расцвета рабовладельческих отношений. Рабы широко применялись в земледелии, вместе с землей они служили объектом купли-продажи (стр. 608—611). Аристократы-рабовладельцы присваивали пожалованные им в управление земли и даже могли их отчуждать (стр. 608).

Отдельные положения данной главы вызывают возражения. По мнению автора, часть завоеванных иньцев была превращена в рабов и вместе с землями пожалована представителям рабовладельческой аристократии. Другая же часть иньцев осталась в своих общинах, но тоже была поставлена в зависимость от чжоуской аристократии (стр. 608—609). Между тем контекст надписей о пожаловании, число пожалованных, их социально-семейные связи — все это свидетельствует лишь о том, что жаловались крупные родоплеменные коллективы, состоявшие из больших патриархальных семей. Коллективы покоренных, пожалованные с землей (или без нее, — те, которые осваивали новые земли), продолжали трудиться так же, как и прежде, выплачивая новому хозяину дань (ренту-налог). Поэтому вряд ли можно в данном случае говорить о рабском труде и противопоставлять одну часть покоренных иньцев другой.

О характере общества Западного Чжоу говорит то, что, кроме упоминавшегося выше случая обмена людей на лошадей и шелк, пока не известно ни одного случая купли-продажи в XII—VIII вв. до н. э. Это обстоятельство, по-видимому, следовало учесть при формулировке фразы о том, что купцы (существование которых для того времени еще нельзя считать доказанным) приобретали у разорившихся аристократов землю и рабов (стр. 608). Такая картина была характерна для более позднего времени.

То же самое следует отметить в связи с трактовкой известного термина *ши*. Вначале этот термин, как это можно видеть в песнях Ши цзин и в Шу цзин, соответствовал понятию мужчина, крестьянин-воин. Затем он постепенно превращался в понятие молодец — храбрец — дружинник¹. Из этих дружинников и сформировался впоследствии чиновничий аппарат, в результате чего чиновники («ученая бюрократия») стали обозначаться термином *ши*. Но нет никаких оснований переводить термин *ши* как «ученая бюрократия» применительно к XII—VIII вв. до н. э. (см. стр. 609).

Три большие главы II тома посвящены истории Китая с V в. до н. э. по II в. н. э. Этот период китайской истории чрезвычайно богат источниками и изучен много лучше предыдущего. Правда, все эти источники носят преимущественно нарративный характер, почти не сохранилось источников строго документального содержания. Такое положение, создающее огромные трудности при попытках социально-экономического анализа, требовало самого тщательного изучения всех имеющихся данных, чтобы путем скрупулезного исследования и сопоставления найти в них тот рациональный материал, который мог бы пролить свет на важнейшие проблемы социально-экономических отношений в древнем Китае.

Автору рецензируемых глав удалось решить эту задачу. Часть II тома «Всемирной истории», посвященная истории Китая, написана на основе обширного и яркого материала, учитывает обильную историографию вопроса и, несомненно, представляет собой глубокую и интересную работу.

В главе XIV (Китай в V—III вв. до нашей эры) говорится о сильном росте техники и совершенствовании технологии как в сельском хозяйстве, так и в ремесле, что было связано с началом широкого распространения и повсеместного применения железа. В главе убедительно показано, что этот рост производительных сил сопровождался расцветом торговли и товарно-денежных отношений, разложением общины, усилением эксплуатации и разорением общинников, обострением классовых противоречий (стр. 458—461).

¹ Н. Г. Сгел, La naissance de la Chine, P., 1937, стр. 266—267.

Все эти процессы вызвали усиление роли рабского труда; число рабов росло, наряду с государственным расцветало частное рабовладение. Специфике китайского рабства и его оценке автор уделяет очень большое внимание (стр. 461—463, 470 и т. д.). Основное значение реформ Шан Яна, направленных на разрушение общины и утверждение частнособственнического начала, автор видит в том, что они «знаменовали собой переход... от раннерабовладельческих отношений к развитому рабовладению» (стр. 470—471).

Доказательству этого тезиса посвящена XV глава, в которой описывается создание мощной централизованной империи Цинь и вскоре сменившей ее Ханьской империи. Эти империи были, по мнению автора, рабовладельческими державами с сильно развитыми товарно-денежными отношениями.

Хотя рабы и не преобладали численно, не играли решающей роли в земледелии ханьского Китая, все же столь значительное развитие рабовладения «не могло бы, по словам автора, происходить в условиях феодального общества» (стр. 500).

В XVI главе дана характеристика кризиса рабовладельческого общества в Китае, который автор относит к I—II вв. н. э. С повышением культуры земледелия рабский труд, и до того ограниченно применявшийся в полеводстве, становится все менее выгодным (стр. 523). Основными производителями в хозяйствах распространившихся в это время «сильных домов» становятся зависимые общинники; рабовладельческие отношения окончательно разлагаются (стр. 524—525).

Вопрос о генезисе и специфике китайского феодализма принадлежит к числу наиболее спорных. Многие исследователи относят начало эпохи феодализма в Китае к гораздо более раннему времени, чем автор XVI главы. Необходимо отметить, что богатый фактический материал и хорошо продуманные аргументы придают значительную убедительность концепции, отстаиваемой во II томе. Вывод о том, что в эпоху Хань уровень развития рабовладельческих отношений достиг более высокой степени, чем в предшествующую эпоху, представляется вполне обоснованным.

Однако ряд соображений мешает полностью солидаризироваться с рассматриваемой концепцией. Прежде всего, можно отметить, что, как показывает очень интересное и глубоко насыщенное фактами исследование Ван И-туна¹, после некоторого ослабления рабовладельческого элемента в структуре экономики конца Хань в дальнейшем, в IV—VI вв. н. э., он вновь достигает очень высокого уровня. Численность рабов, формы и степень их эксплуатации, широкое применение рабов в земледелии (вплоть до того, что каждому крестьянину давались добавочные земельные наделы на вола или на раба) не оставляют в этом никаких сомнений. Нам представляется, что этот факт следовало учесть при построении периодизации социально-экономического развития китайского общества.

С другой стороны, особенностью рабства в Китае было то, что даже в период наивысшего расцвета рабовладения основная тяжесть классового угнетения, основная доля эксплуатации приходилась на зависимого крестьянина. Можно ли в этих условиях, даже признавая специфику Китая (стр. 471), говорить о развитом рабовладении? Этот вопрос стал бы более ясным, если бы автор глав уделил больше внимания аграрным отношениям и изменениям в них.

Несомненно, реформы Шан Яна способствовали росту рабства. «Нерадивые» и «ленивые», преступники и должники массами превращались в рабов; рабовладельческий уклад после реформ Шан Яна и особенно в эпоху Хань сильно вырос, окреп (см. стр. 497—500) и долго не сдавал своих позиций.

Но, отмечая это, нельзя забывать и о другом. Именно реформы Шан Яна, положившие конец старой нерасчленимой общине с ее родовыми традициями, впервые в широком масштабе узаконили такое положение, при котором юридическим лицом оказывался отдельный крестьянин, обязанный платить налоги владельцу земли (государству или частному лицу).

¹ Wang Yi-tung, Slaves and other comparable social groups during the Northern dynasties (386—618), «Harvard journal of Asiatic studies», 1953, Dec., 16, № 3-4.

Учитывая все это, приходится говорить не только о том, что реформы Шан Яна дали толчок развитию рабства в Китае. Осуществление этих реформ, разрушивших коллектив-общину, способствовало, на наш взгляд, постепенному вызреванию и развитию элементов новых, феодальных отношений.

Спорность решения некоторых проблем социально-экономического порядка не снижает, однако, ценности материала глав. Достоинство его в насыщенности, яркости, эмоциональности. Это можно видеть на примере характеристики терминов рабства (стр. 462—463), при обзоре политической обстановки в Китае в эпоху Чжаньго (465—468), в описании деятельности Цинь Ши хуанди (стр. 482—484) и т. п. Особенно удачны разделы, посвященные идеологии и культуре. В сжатой и ясной форме излагается здесь суть конфуцианства и даосизма (стр. 464—465), дается множество очень интересных сведений о научных достижениях древнекитайских философов и ученых (стр. 473—477), прекрасно написан очерк о Цюй Юане (стр. 477—478).

История древнекитайской цивилизации настолько велика и обильна, что на страницах рецензируемой работы трудно было бы ожидать ее сколько-нибудь подробного изложения. Тем не менее заслугой авторов и редакции следует считать то большое внимание, которое они уделили богатой культуре древнего Китая. Авторы глав знакомят читателя и с искусством древнего Китая.

К сожалению, очень мало внимания уделено мотивам и особенностям наиболее ранних памятников китайского искусства. Так, в главах I тома нет ни слова о стилизованной маске тао-те, игравшей большую роль в изобразительном искусстве иньцев, ничего не сказано о значении и почитании превосходных изделий из яшмы, которым придавался ритуально-магический смысл.

Заботливо и с большим вкусом подобраны хорошо выполненные иллюстрации к главам. Обидно только, что вклейка с изображением иньского оружия — очевидно, по небрежности редакции — оказалась на стр. 433 I тома, где речь идет о культуре... древней Индии. За счет подобной небрежности следует, вероятно, отнести и грубую опечатку в «песне дровосека» на 608 стр. I тома, где вместо 300 упоминаются ... 3 хозяйства.

Непонятны мотивы редколлегии, выделившей всего 15 страниц для характеристики чжоуского Китая (т. I, гл. XXVI). При всей неизученности этого периода о нем можно и нужно было сказать подробней.

Следует также пожалеть, что интересный очерк о древнекитайских археологических культурах Яншао и Луньшань (т. I, стр. 230—233) оказался совершенно изолированным от глав по истории, изложение которой, в свою очередь, почти не касается доиньских археологических материалов. Между тем, отрывать одно от другого никак не следовало бы.

В заключение хочется еще раз выразить удовлетворение и приветствовать выход в свет двух первых томов «Всемирной истории», содержащих интересные и нужные главы по истории древнего Китая.

* * *

В I и II томах «Всемирной истории» древней Индии посвящено четыре главы, охватывающие длительный период, со времен палеолита вплоть до вторжения гуннов-эфталитов и распада государства Гупт в V в. н. э. Автору, несмотря на ограничивающие его лимиты листажа, удалось наглядно показать, что социально-экономический процесс развития рабовладельческой формации имел в Индии свои интересные специфические особенности и что индийцы уже в глубокой древности добились поразительных успехов в различных областях экономики и культуры.

В главе XVI «Древнейшая Индия» дана сжатая и четкая характеристика природных условий Индии, этнического состава населения и основных черт первобытно-общинного строя Индии (по археологическим и этнографическим данным и некоторым отзвукам в исторических преданиях и мифах). Далее автор переходит к культуре Харашпы. Здесь изложение становится более подробным: дается развернутый обзор археологических раскопок в Харашпе, Мохенджо-Даро и Чанху-Даро. По отношению

к обнаруженным здесь протоиндийским письмам автор проявляет большую осторожность, считая имевшие место попытки их дешифровки безуспешными (стр. 431). Основное внимание уделено памятникам материальной культуры, причем проводятся аналогии с пережитками, сохранившимися в более поздние времена.

Автор дает высокую оценку культуре Хараппы и ее исторической роли, указывая, что по уровню развития производительных сил и культуры «Индия того периода, в общем, не уступала первым из классовых обществ, сложившихся в Двуречье и Египте, которые были рабовладельческими» (стр. 434).

В главе XXV, посвященной периоду XV—VI вв. до н. э., содержится подробный и четкий анализ основных первоисточников (Вед, Махабхараты и Рамаяны). Автор показывает, что главный центр исторического развития передвигается в этот период из бассейна Инда в верхнюю, а затем среднюю часть долины Ганга (стр. 598, ср. стр. 604), где «постепенно складываются рабовладельческие государства, приближающиеся по типу к восточной деспотии» (стр. 604). В других областях Индии (в том числе и в бассейне Инда) преобладает первобытно-общинный строй (стр. 603). Только к началу I тысячелетия до н. э. на большей части территории страны утверждаются рабовладельческие отношения (т. II, стр. 542).

Специальное внимание уделяет автор оформлению сословного строя, т. е. деления на четыре варны. Термина «каста» автор избегает, ввиду того, что он применялся португальцами к совсем иным социальным группам, сложившимся позже, и соответствует индийскому термину «джати» (стр. 600).

Во II томе, в XVII главе, прослеживается возникновение и рост государства Магадхи, поход Александра Македонского, крушение греко-македонского господства в северо-западной Индии и, наконец, история империи Маурьев. Здесь отмечены крупные сдвиги в экономике, связанные с объединением страны и установлением широких международных связей. Однако автор предостерегает против преувеличения масштабов социально-экономического прогресса тогдашней Индии. Отмечая рост городов, он указывает в то же время на их своеобразные черты, на отсутствие тесных хозяйственных взаимоотношений между горожанами и самодовлеющими сельскими общинами, которые оказались в Индии особенно устойчивыми (стр. 547—548 и 551).

С другой стороны, приводя ряд данных о широком развитии рабовладения, автор подчеркивает, что рабство в Индии сильно отличалось от античного и не даром создавалась греческая традиция об отсутствии в Индии рабов (стр. 549—550).

Много внимания уделено проблеме перемен в идеологии. Это особенно следует приветствовать, ибо в наших учебниках для университетов и пединститутов почти не затрагивается история одной из трех мировых религий — буддизма.

Следует признать, что автор вполне справился со сложной задачей выявления характерных черт новой религии, ее отличия от брахманизма и джайнизма, а главное — вскрытия ее классовой основы (стр. 553—555 и 566—567). Он отвергает шаблонное представление о буддизме как религии любви и всепрощения, дает новое, более глубокое объяснение понятия нирваны и прекрасно вскрывает причины временных успехов буддизма как, по преимуществу, религии горожан, особенно пригодной в обстановке централизованной рабовладельческой деспотии.

XVIII глава посвящена периоду раздробления и господства кушанов, а также образованию и распадению государства Гупт. В эту эпоху зародились и усилились процессы феодализации и стал складываться подлинный кастовый строй, отличающийся от системы варн. С другой стороны, время расцвета государства Гупт рассматривается как «последний период развития рабовладельческого города» (стр. 564). В заключение дается обзор достижений древнеиндийской культуры, имеющих всемирно-историческое значение. В связи с этим приводится ряд интересных данных. Так, труды древнеиндийских грамматиков оказали большое влияние на европейских лингвистов XIX в. (стр. 572). Уже в VI—V вв. до н. э. в Индии появились, наряду с идеалистической философией, последовательно-материалистические течения, «формулирующие атомистические взгляды» и отрицающие бессмертие души (стр. 569). Древнеиндийские математики соз-

дали алгебру, а также точно вычисляли π (добавим от себя, более точно, чем древнеегипетские математики, ошибавшиеся на две сотых). Отмечается, что при посредстве арабов и народов Средней Азии многие достижения древнеиндийской науки проникли в Европу.

В целом в рецензируемых главах, занимающих всего 60 страниц текста, автору удалось сконцентрировать значительные и весьма сложные материалы, произвести жесткий отбор фактов и дать четкий марксистско-ленинский анализ исторического процесса, охватывающего (не считая палеолита и неолита) три тысячелетия.

Некоторые выводы автора являются, на наш взгляд, спорными. Так, например, чувствуется явное стремление свести на нет вторжение ариев. Теорию арийского завоевания Индии автор считает домыслом европейских ученых XIX в. (том I, стр. 424, 434, 598). На самом деле эта концепция, конечно, в сильно измененном виде, принята большинством советских ученых. Ее обоснованию посвящена специальная статья, Н. А. Шолло¹, которая почему-то не попала в список основной литературы, приложенный к I тому (стр. 711—712).

Поскольку советская лингвистика отвергла ошибочную теорию стадильности в развитии языков и признала реальность миграций, отрицавшуюся Н. Я. Марром, нам нег никакой необходимости отвергать проникновение в Индию народов, говоривших на языке индоевропейской группы. Этим вторжением убедительно объясняется упадок культуры Хараппы и временное возвращение к условиям первобытно-общинного строя в долине Инда, которое признается автором. Нельзя согласиться и с тем, что мы не знаем, откуда и когда явились арии. Тот факт, что индоевропейские языки были распространены в Иране, Средней Азии и далее на запад, а во второй половине II тысячелетия санскрит оказался господствующим в долине Инда, приводит к неизбежному выводу, что племена, создавшие его, должны были около XV в. до н. э. пройти через долину Инда (других путей не было и не могло быть).

Напрасно автор игнорирует также наличие индийского этнического элемента и культа индийских богов (Индры, Варуны и др.) в Митанни, признаваемое в другом разделе «Всемирной истории» (т. I, стр. 316). Этот факт прекрасно согласуется с допущением миграции ариев и именно с запада в середине II тысячелетия до н. э.

Другим досадным пробелом является отсутствие каких-либо упоминаний об арамейском влиянии на индийцев. На стр. 571—572 (т. II), где речь идет о языках и письменности Индии, мы тщетно будем искать хотя бы намек на алфавит Кхарошти, возникший из персидско-арамейского и применявшийся от времени Ашоки до кушанского периода включительно².

Кое-где требуются мелкие дополнения.

Список товаров, вывозившихся из Индии в первые века н. э. (т. II, стр. 564), следовало бы дополнить, включив в него железо и продукты питания (рис, хлеб, тростниковый сахар и сезамовое масло — см. Перипл Эритрейского моря, 6, 14 и 41).

Кое-где чувствуется разноречие между рецензируемыми здесь главами и разделами «Всемирной истории», принадлежащими другим авторам. Иногда эти противоречия объясняются различием взглядов. Кроме уже упомянутого вопроса о Митанни, следует упомянуть еще один момент, связанный с походами Александра Македонского. В VIII главе II тома говорится о несметных богатствах, которыми славилась Индия (стр. 219), в то время как автор рецензируемых глав настойчиво подчеркивает, что эти слухи были необычайно преувеличены и одной из причин отступления Александра было разочарование греко-македонских воинов, убедившихся в том, что северо-западная Индия далеко не так богата, как считалось.

¹ Н. А. Ш о л л о, К проблеме «арийского» завоевания древней Индии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 40—48.

² См. Ч. Л о у к о т к а, Развитие письма (пер. с чешского), М., 1950, стр. 103—104.

Далее автор утверждает, что держава Маурьев торговала с Египтом, тогда как в других частях тома указывается, что прямой морской связи между обеими странами не было вплоть до конца II в. до н. э. (том II, стр. 238, 329—330, 335).

В других случаях несоответствие между главами по истории Индии и другими частями I и II томов носит, очевидно, случайный характер. На стр. 220 II томч идет речь о столкновении Александра Македонского с правителем Таксилы, а на 544 стр. — с царем по имени Таксил (город Таксила упомянут позже, на стр. 548).

Царство, основанное Чандрагуптой, называется то Магадхой (т. II, стр. 247), то империей Маурьев (гл. XVII).

О путешествиях в Индию Скилака из Карианды и, позднее, легендарного Аполлония из Тваны говорится только в разделах, посвященных античному миру (т. I, стр. 683 и т. II, стр. 745).

Конечно, многочисленность авторского коллектива «Всемирной истории» создает большие трудности, и полной унификации в отношении точек зрения и даже терминологии требовать нельзя, но все же желательно, чтобы противоречий в содержании и стиле, столь смущающих неподготовленного читателя, было меньше.

Следует еще отметить некоторые мелкие неточности. На стр. 548 (II том) говорится о торговле спиртными напитками. Однако надо помнить, что спирт в нашем смысле слова (как продукт перегонки) стал производиться лишь арабами в VIII в. н. э.¹ Впрочем утверждению на стр. 422 (т. I), название Индия употреблялось в древности не только в Европе, но и у азиатских народов (у китайцев в форме Шеньду, ср. том II, стр. 505) и у древних евреев (кн. Эсфирь, I, 1).

Несмотря на все эти мелкие недочеты, рецензируемые главы «Всемирной истории» принесут читателям, интересующимся древней Индией, большую пользу, поскольку они дают строго систематическое изложение фактов и проливают свет на многие темные и запутанные вопросы.

Стиль разбираемых глав отличается ясностью и сжатостью, а местами значительной живостью. Только иногда слишком часто и монотонно оговаривается недостоверность наших источников. Так, в одном только параграфе («Образование империи Маурьев») три раза встречается слово «вероятно», один раз — «возможно» и один раз — «неизвестно почти ничего».

Иллюстрации и карты выполнены очень хорошо. Только на одной из карт (Древняя Индия в VI в. до н. э. — т. I, стр. 600) следовало бы добавить первоначальные названия о. Цейлона (Ланки) и р. Инда (Сивдху).

Л. С. Васильев, Д. Г. Редер